

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МИНВАЛЕЕВ

аспирант, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории – обособленного подразделения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)  
minvaleevs@gmail.com

### СВАТОВСТВО КАРЕЛОВ-ЛЮДИКОВ: ВРЕМЯ, УЧАСТНИКИ, АТРИБУТЫ В СВЕТЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ\*

На основе широкого круга источников ставится задача представить географию некоторых компонентов сватовства (время совершения ритуала, его исполнители и их атрибуты) с помощью метода картографирования в ареале расселения карелов-люди́ков. Сделан вывод, что рассмотренные компоненты были общеприбалтийского, карельского и русского происхождения. К общеприбалтийско-финским компонентам следует отнести название сватовства (*kožit šuz*) и сватов (*sulhažet*). К карельского происхождения относится время проведения сватовства и заключения браков (Рождество Христово), участие колдуна и женщины-свахи (*sajannaine*) в сватовстве, использование различных сватальных посохов. Однако эти компоненты неравномерно представлены на территории расселения люди́ков. Участие колдуна (*tiedoinikka*) в сватовстве было обнаружено только у северных люди́ков на пограничье с сегозерскими карелами и объяснялось влиянием последних. Состав сватов и свадебных чинов у люди́ков формировался под огромным влиянием свадебной традиции соседнего русского населения. Русское воздействие было неравномерным, что отразили карты.

Ключевые слова: карелы, люди́ки, традиционная культура, сватовство, свадьба, картографирование

В статье ставится задача представить географию некоторых важных компонентов ритуала сватовства, используя метод картографирования, в ареале расселения карелов-люди́ков, представляющем собой узкую меридианальную полосу, затрагивающую Олонецкий, Пряжинский и Кондопожский районы Республики Карелия. К сожалению, этот ареал из-за недостаточного количества фактического материала плохо представлен в многочисленных работах по карельской свадьбе, в том числе в фундаментальной монографии Ю. Ю. Сурхаско «Карельская свадебная обрядность» [19], которая по праву отнесена «к лучшим исследованиям свадебной обрядности» [21: 103]. Люди́ковский ареал в них, как правило, рассматривается недифференцированно в составе южнокарельского региона. Однако знания о культурном наполнении этого ареала обрядами (в данном случае – сватовства), выявлении его неоднородности, возможных границах крайне важны, так как позволяют ответить на некоторые вопросы, связанные с формированием карелов-люди́ков и их традиционной культуры.

Люди́ки – одна из малоисследованных этнических групп, которую некоторые российские ученые считают субэтносом карелов, а западные представляют в качестве самостоятельного народа. Люди́ки выделены отечественными лингвистами на основе особого наречия карельского языка. Согласно различным классификациям, в люди́ковском наречии принято выделять от

3 до 8 диалектов. К наименьшему количеству относятся северный (Кондопожский), средний (Пряжинский) и михайловский (Олонецкий р-н) диалекты, имеющие свои языковые особенности, связанные с этническими процессами [11: 403], [26: 159–162]. Люди́ки сформировались в западном Обонежье из двух этнических и языковых компонентов – собственно карельского и вепского – примерно к XVIII веку. При этом сплав двух названных компонентов происходил на разных участках люди́ковской территории неравномерно. На юге просматривается определенное преобладание вепского компонента, на севере – карельского. Кроме того, в ряде люди́ковских говоров заметны четкие непереплавленные карельские вкрапления, отражающие, видимо позднее, точечное собственно карельское внедрение в Обонежье. В люди́ковском языке присутствуют также отчетливые следы карельского-ливвиковского и раннего русского влияния<sup>1</sup>. Для нас представляет интерес, как эти лингвистические выводы соотносятся с этнографическими материалами по сватовству люди́ков.

Для выполнения поставленной задачи был предпринят поиск всех возможных источников по данной теме, касающийся люди́ковского ареала. В результате в статье использовались следующие виды источников:

а) крайне немногочисленные этнографические, фольклорные и лингвистические публикации, в которых содержатся данные о люди́ковском сватовстве;

б) неизвестные ранее рукописные источники<sup>2</sup>, выявленные в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КНЦ) и Фольклорном архиве Финского литературного общества (SKS);

в) полевые материалы, собранные сотрудниками ИЯЛИ в 2012 и 2016 годах;

г) источники, содержащие сравнительные данные по свадебным традициям соседних народов и их локальных групп: карелов, вепсов, русских.

С помощью полученного комплекса источников удалось составить ряд карт и более четко представить локальное распространение таких компонентов сватовства, как время его проведения, участники и их атрибуты, то есть используемые в обряде магические предметы.

Сватовство – это ритуализированное предложение парня и его родни родителям девушки выдать их дочь замуж. Этот комплекс обрядов начинался с прихода сватов и мог закончиться тремя разными результатами: отказом, согласием невесты или назначением срока на обдумывание. Сватовство у людиков носило название прибалтийско-финского происхождения *kožita ~ koz'ita*<sup>3</sup> ‘свататься’, сев. люд. *kožit'suz* ‘сватовство’, ср. фин. *kosia*, сев. кар. *kos's'uo*, ливв. *kozita* ‘свататься’ [16: 283], [24: 155]. Также михайловские и средние людiki называли этот обычай калькой с русского языка «ходить в женихи»: *tulim svuatoikš, lähtem svuatoikš* (Михайловское<sup>4</sup>) ‘приходим сватами, отправляемся сватами’, *mändä sulhaižikse, tulda sulhaižiks* (Святозеро) – досл. «ходить/отправляться/приходить сватами»<sup>5</sup> [24: 407], [30: 40]. Как можно заметить, у михайловских людиков в отличие от средних в этом выражении отсутствует прибалтийско-финский термин *sulhanen* ‘жених’; вместо него они использовали заимствованный из русского языка чин *svuat* ‘сват’. Весьма показательно, что название свадебного ритуала – свадьба – по всей людиковской территории, как и у большинства карелов российской Карелии, было заимствованием от русских – *suad'b* [16: 284], [18: 104], [24: 402].

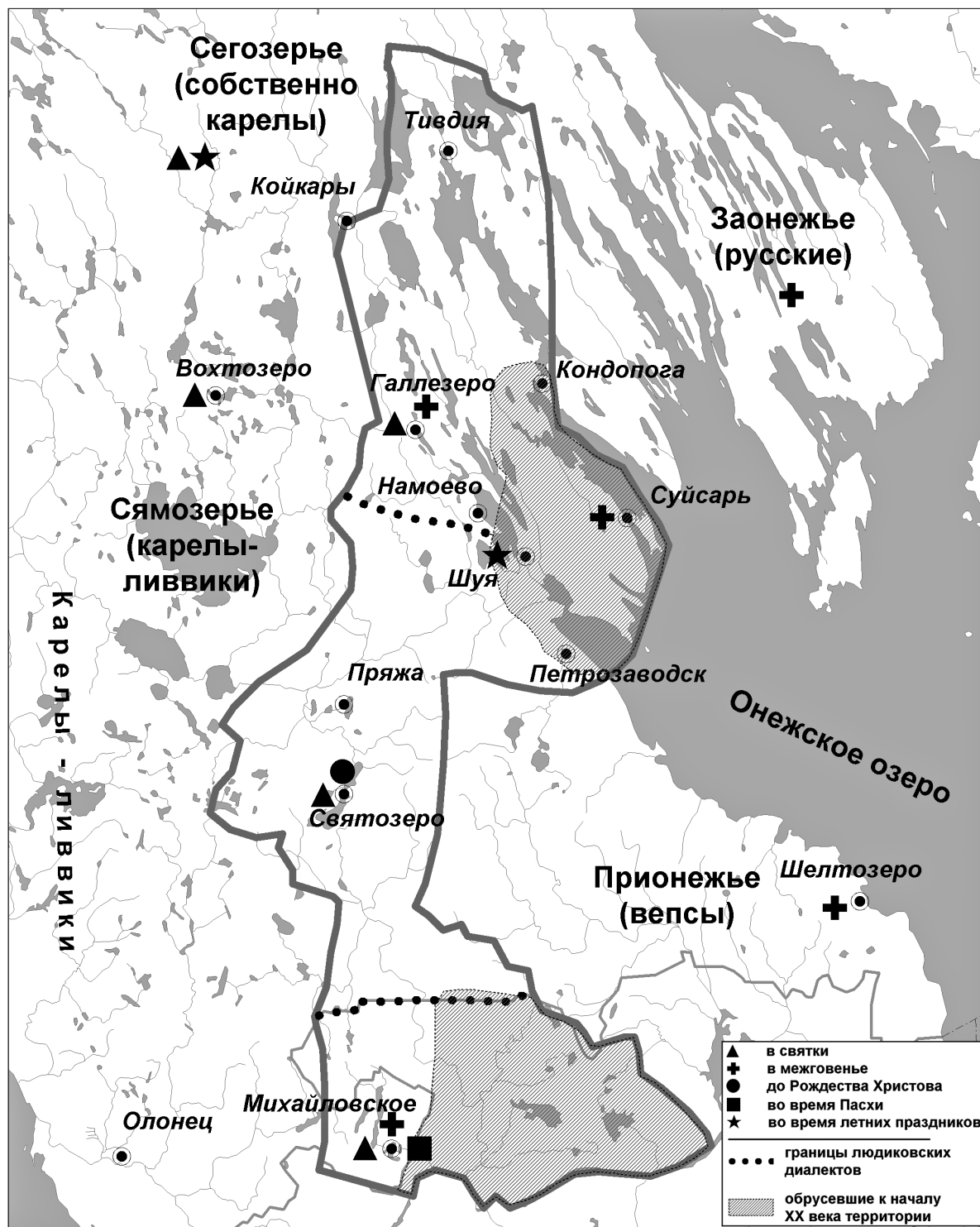
Свадьбу играли через некоторое время после просватанья невесты – обычно это срок от трех дней до двух недель [27: 178]. На различной территории людиков сроки начала сватовства, ведущего к заключению браков, различались: например, в с. Михайловском ходили свататься субботним вечером в зимний мясоед или межговенье (*pühäkeski*) (от Крещения Господня 6 / 19 января до Масленицы)<sup>6</sup> [29: 96], или в святки (от Рождества Христова 25 декабря / 7 января до Крещения Господня 6 / 19 января)<sup>7</sup>, или после Великого поста в Пасху<sup>8</sup>. На пограничной людиковско-ливвиковской территории в Вохтозере первые сваты могли появиться накануне Рождества Христова, а вторые – непосредственно после него<sup>9</sup>. Средние людiki в Святозере свадьбы устраивали до Рождественского (или Филиппова) поста (длился с 15 / 28 ноября по 24 декабря / 6 января) или же зимою после Рождества Христова, то есть в зимние святки, при этом сва-

таться ездили в воскресный или праздничный вечер<sup>10</sup>. У северных людиков празднование первых свадеб могло начаться сразу после Рождества, то есть в святки, при этом их пик приходился на время Сретения Господня (2 / 15 февраля). Уже на масленичной неделе священник не проводил венчания<sup>11</sup> [28: 64]. В обрусевшем людиковском с. Суйсарь сватов также засылали в межговенье [9: 132].

По наблюдению исследователей, для общекарельской традиции было характерно оформление значительной части браков в православные праздники, слившиеся с зимними и летними святками и посвященные солнцестояниям, – в Рождество Христово и Иванов день (24 июня / 7 июля) [5: 296]. Последняя дата была более архаична и обнаруживалась на территории Северной Карелии, а также в Сегозерье, где в старину сватались главным образом во время летних праздников (Иванов, Петров, Ильин дни и т. д.), которые, как писал И. К. Инха, являлись по сути своей «ярмарками невест» [6: 148], [7: 12]. Единственное упоминание о летних свадьбах удалось зафиксировать в русском, а в прошлом людиковском селе Шуе, где свадьбу могли отпраздновать и в воскресенье середины июня [26: 83], что, возможно, является отголоском этих «ярмарок невест». По мнению исследователей, этот карельский обычай связан с древними культами плодородия [19: 72]. К этому следует добавить, что о древности обычая заключения браков в Иванов день или летние святки свидетельствует и тот факт, что данное время падало на Петровский пост и противоречило православной традиции играть свадьбы во время постов.

Собранные факты свидетельствуют о том, что в ряде людиковских деревень сроки сватовства и свадеб были несколько иные, чем у соседних северных русских (Заонежье, Водлозеро) и прионежских вепсов. Последние начинали играть свадьбы с Крещения, а людiki обычно с Рождества [1: 83], [8: 31], [10: 215]. Таким образом, в зимнее время у людиков сватовство устраивалось раньше, чем у названных соседних народов. Устройство свадеб по окончании сельскохозяйственных работ (не в посты) от Покрова (1 / 14 октября) до Филиппова поста и от Крещения до Масленицы являлось широко распространенной русской традицией. К вступлению в брак в весенние и летние месяцы русские крестьяне относились предосудительно [4: 49], [14: 474]. В сватальном обычае людиков нашла отражение древняя традиция, характерная для карелов, на которую в некоторых деревнях насланивалась русская.

Карта 1, на которой мы представили полученную информацию, отразила этот процесс контаминации, при этом, как можно видеть, карельское влияние на людиковские деревни распространялось с запада, а русское, соответственно, с востока, с территории, где проходила новгородская колонизация.



Карта 1. Время прихода сватов (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

После непродолжительного ухаживания парень просил благословения у родителей отправиться на сватовство. Собиралась дума из родственников жениха, на которой обсуждалась семья девушки, разбирался весь ее род и принималось окончательное решение. Количество сватов могло доходить до 30 человек. В их состав

входили сам жених и его родственники: отец, старшие братья, иногда сестры, зять – муж сестры, дяди и тети жениха по отцу. В Святозере и Михайловском в качестве сватов часто выступали крестный и крестная. Считалось, что чем больше родственников возьмет с собой жених, чем лучше на них будут наряды и чем больше

лошадей будет запряжено в сани, тем веселее, богаче и родовитее жених будет выглядеть в глазах невесты и ее родственников<sup>12</sup> [19: 67].

Среди прибалтийско-финских народов, как и многих других, существовали древние представления о том, что человек в переходные периоды своей жизни, к которым относилось и вступление в брак, является чрезвычайно подверженным для всякого рода сглаза и порчи, исходящей от завистников и недоброжелателей, в число которых входили как простые смертные, так и колдуны. Поэтому предпринимались различные защитные меры, одной из которых являлось включение в состав сватов «знающего» человека, обладающего тайным знанием и сверхъестественными способностями.

В отличие от севернокарельского *патьяшки*, совмещавшего в себе функции руководителя свадебного ритуала и колдуна, в людиковской традиции колдун, как правило, не участвовал в сватовстве, но появлялся на последующих этапах свадьбы, и его участие чаще всего носило тайный характер. Северные людики называли этого персонажа славянским термином *klietnik* 'клетник'. Наравне с патяшкой наименование «клетник» обнаруживается в Сегозерье [7: 16], [19: 68] и, возможно, перешло к ним от людейков. Другие названия колдуна имели славянское и прибалтийско-финское происхождение: *goldun*, *kolduna* (Михайловское) 'колдун'; *tiedoinikk* (Михайловское), *tiedoinikka* (Койкары) 'знахарь'<sup>13</sup> [25: 165, 254].

Участие профессионального колдуна в качестве руководителя сватовства, который необязательно мог быть родственником жениха, удалось обнаружить только у северных людейков. В полевых записях Ю. Ю. Сурхаско встречается такое сообщение информанта из д. Койкары:

В *šiuiri čippi* (в «красный угол». – С. М.) садились колдун, крестный, отец, жених. Шафер или дружка – раньше не называли, а руководили *tiedoinikka* (колдун. – С. М.). Он требовал: мы приезжали зачем, дайте нам [невесту]...<sup>14</sup>

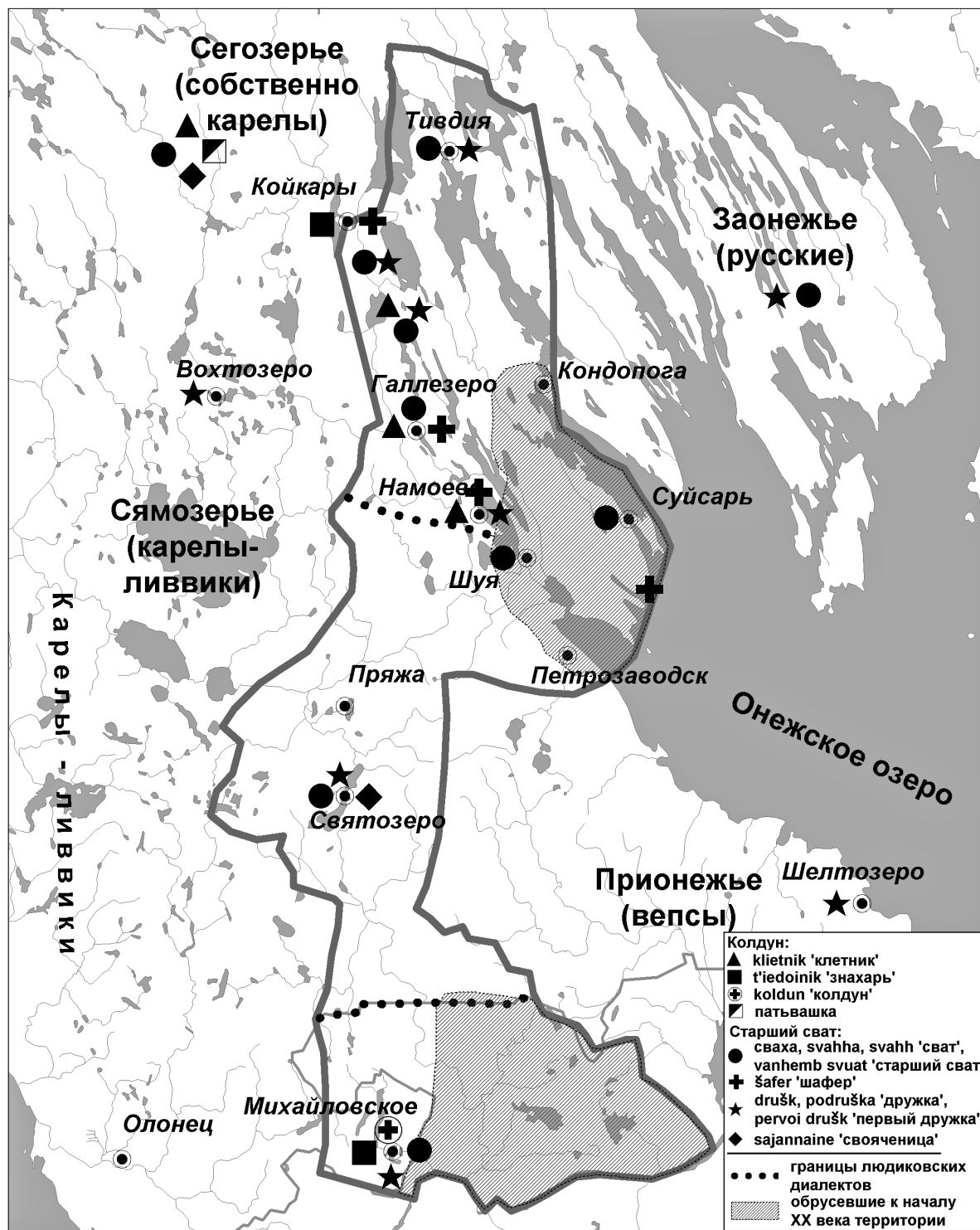
Присутствие колдуна на сватовстве можно списать на влияние соседней сегозерской свадебной обрядности, где патяшка принимал участие в свадьбе начиная уже с этого этапа. Как правило, у людейков и ливвиков функцию руководителя сватовства брал на себя старший сват (*vanhemb svuat*). По материалам Атласа финской культуры, статистика состава сватов в Олонецкой Карелии была следующей: в 59 % главным сватом выступал дядя или отец жениха; в 30 % – не родственник жениха; в 6 % случаев – специально приглашенный знахарь (ср. в Беломорской Карелии 32 %) и в 5 % – родственница или крестная мать жениха [5: 295]. Как мы можем видеть из карты 2, у южных и, в особенности, у средних людейков профессиональный колдун уступил свою роль родственнику-свату. Ю. Ю. Сурхаско

выдвинул предположение, что вытеснение колдуна с переднего плана другими свадебными чинами и передача части официальных функций колдуна в ведение родственников жениха произошли относительно поздно, причем этот процесс шел от русских в направлении от периферии территории расселения карелов вглубь [19: 69–70].

Обычно в роли старшего свата выступал отец или крестный жениха<sup>15</sup> [25: 3], [29: 98]. В Мунозере и Михайловском руководить процессом мог зять (муж сестры)<sup>16</sup>. Зять являлся важной фигурой в сватовстве и у северных вепсов, без него не ходили свататься [2: 190]. У южных людейков им мог быть женатый брат жениха<sup>17</sup>, а в Гомсельге у северных – холостой<sup>18</sup>. Как представляется, традиция брать в сваты женатого человека являлась более ранней и соответствующей логике обряда: предпринять все усилия, чтобы осуществить переход жениха из состояния холостяка в группу семейных мужчин, помощь в этом переходе мог успешно осуществить только участник, символизирующий принадлежность к этой группе.

Для старшего свата употреблялись названия, заимствованные от русских. У северных людейков это был *svahha* (Галлезеро, Мунозеро); *svahh* (Пяозеро, Тивдия) 'сват' [24: 412], [28: 44]. Такое наименование свата было распространено у многих прибалтийско-финских народов от сегозерских карелов (*svuahha*) до води (*svahha*) [7: 15], [21: 266]. На современной территории проживания людейков, как и в обрусевших селах Суйсари и Шуе, «свахой» выступал всегда мужчина [9: 133], [22: 99], хотя в Заонежье и у сегозерских карелов на эту должность могли назначить и женщину [8: 32].

Существовали и другие наименования главного распорядителя сватовства: *vanhemb svuat* 'старший сват' (Михайловское), *pervoi drušk* 'первый дружка' (Михайловское) или просто *svuat* 'сват' (Михайловское), *drušk* 'дружка' (Михайловское, Святозеро, Мунозеро, Тивдия), *podruška* (Михайловское). Характерным для людиковской традиции было вхождение в состав свадебного ритуала двух дружек. У северных людейков дружками выступали холостые парни, обязанные править лошадьми при поездке в церковь, держать венцы над головами жениха и невесты во время венчания и т. д.<sup>19</sup> [19: 121–122], [25: 3]. Похожие наименования и функции двух дружек существовали у вепсов, где обязательно выделялся главный дружка, имеющий в некоторых вепских деревнях соответствующие названия – *pervij drušk* 'первый дружка' или *vanhamb drušk* 'старший дружка'. В с. Каскесручей, например, первый дружка руководил свадьбой, а второй хранил подушку жениха [2: 301]. Очевидно, что чин свата-дружки, как и его названия, были заимствованы людьмиками и вепсами от северных русских. В заонежской свадьбе, например, обнаруживаются несколько дружек: старший и несколько подчинявшихся ему помощников [8: 146].



Карта 2. Бытование терминов руководителей свадебной обрядности (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

Бытование чина дружки известно в Древней Руси с XIV века. По традиционному канону назначалось 4 дружки – по 2 человека со стороны жениха и невесты. Впоследствии, как наследие Древней Руси, продолжали сохраняться местные традиции (например, Орловская, Рязанская губ.), в которых на свадьбе действовало сразу два дружки. Они известны под такими иерархиче-

скими обозначениями, как *старший дружка*, *дружка большой*, *дружка меньший*, *малый дружка*, *младший дружка*, *поддружка* [3: 128], [15: 28, 36]. В русской традиции дружка, как правило, избирался из женатых родственников жениха и появлялся только накануне дня венчания, его не было на раннем этапе свадьбы – на сватовстве и сговоре, но в севернорусском свадебном

обряде дружка, как представитель жениха, блюдет интересы жениха и его семьи начиная с предсвадебного сватовства (иногда уже на сватовстве он называется и сватом, и дружкой) [3: 137], [15: 38]. У михайловских людиков обнаруживается это севернорусское влияние – вверение дружке функции свата<sup>20</sup> [26: 178].

Следует обратить внимание и на такое название людиковского свата, как *šaffer, šaför* ‘шафер’ (Намоево, Гомсельга) [24: 373]. Западноевропейский термин *шафер*, как более модный, в новое время стал употребляться сначала на российских дворянских свадьбах, вытеснив прежний термин *дружка*. Позже новое название попало в крестьянскую среду и в одних местных традициях привело к забвению слова *дружка*, а в других – к совмещению двух терминов [15: 37]. Распространение термина *шафер* затронуло небольшое количество северных людиковских деревень (см. карту 2).

По данным Ю. Ю. Сурхаско, второй после первого свата важный чин карельской свадьбы отводился женщине-свахе, которая у людиков носила название *sajannaine* ‘своячница’ (букв. «свадебная женщина»). В ее функции входила помощь свату в ведении переговоров с родственниками невесты [19: 71]. Информация об этом персонаже обнаруживается у средних людиков в Лижме и Святозере [24: 374], [30: 54]. В с. Шуя, Водлозерье и Заонежье женщину – родственницу жениха, обладавшую проворным характером, могли отправить на предварительное сватовство, что наверняка являлось отголоском бытования здесь данного чина в традиционной свадьбе [8: 32], [10: 215], [22: 99].

Судя по карте 2, на людиковской территории обнаруживаются наименования почти всех руководителей сватовства, характерных для южнокарельской культуры. Особенно пестра картина на севернолудиковской территории, где столкнулись карельское и русское влияния.

Во время сватовства главный сват или колдун пользовались магическими предметами, способствующими успеху дела. В их арсенал входили особые посохи или жезлы – соб. кар. *kozičendašauva* ‘сватальная палка’. Эти посохи делали из ольхи, на которой были естественные наросты (у сев. и сред. людиков *pakkul’* ~ *pakkuli* ‘нарост на березе’ [24: 296]) (рис. 1). Русское население Кондопожского района так и называло такие посохи «палками с пакулями» и пользовалось ими главным образом в качестве тростей для стариков [17: 202]. Ю. Ю. Сурхаско пришел к выводу, что ольховые посохи с наростами представляют специфическое явление для общекарельской свадебной обрядности. В то же время палка еще в XIX веке являлась непременной принадлежностью свата или дружки у русских Тульской, Пензенской и Владимирской губерний, а также у коми и самодийских народов [17: 200–201, 207].

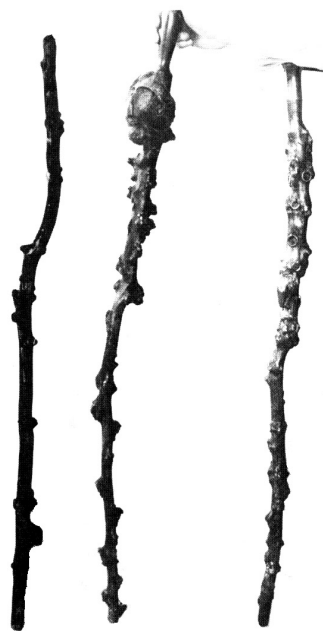
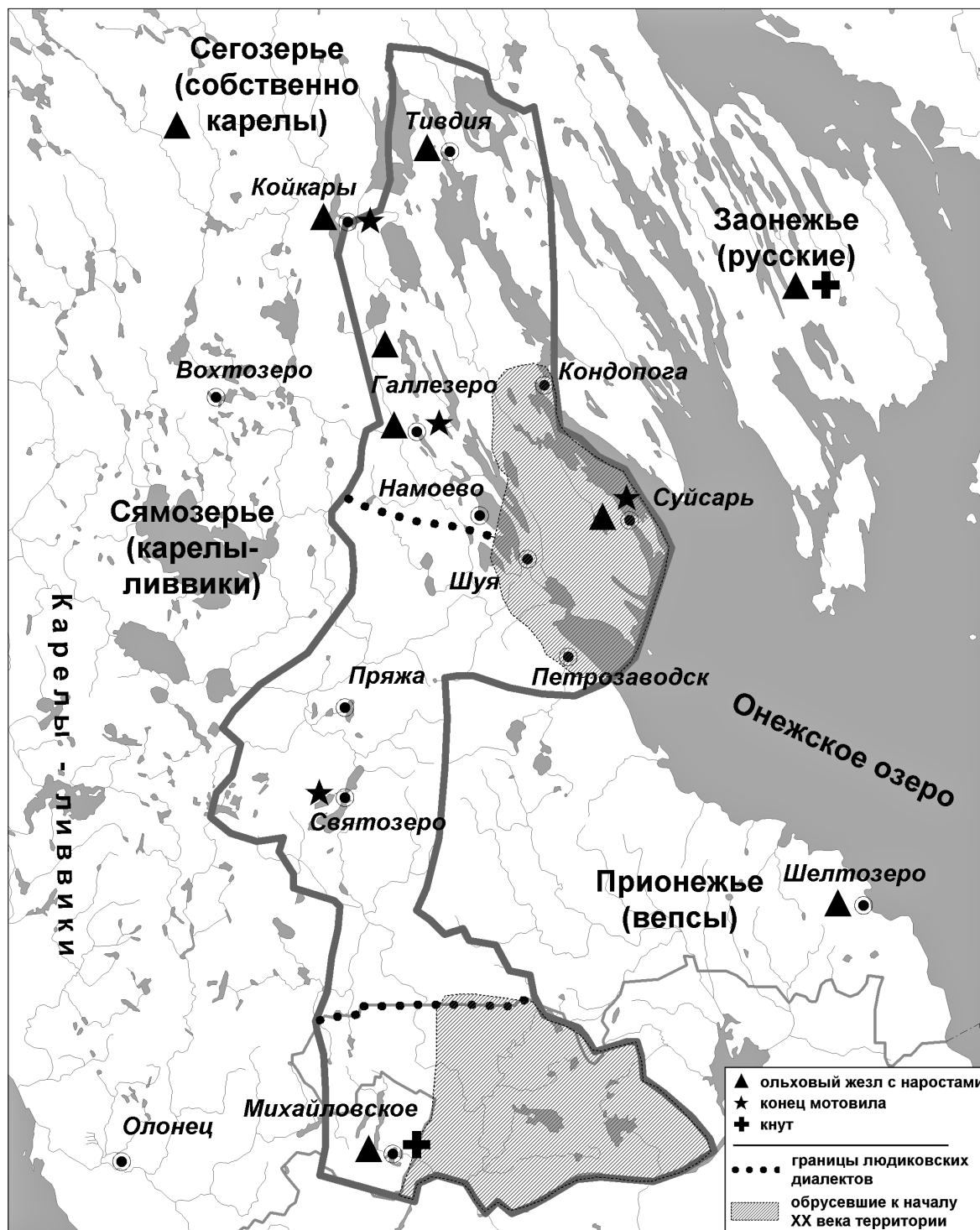


Рис. 1. Посохи патьвашки из средней и северо-западной Карелии (фонды НМ РК и РЭМ). Подборка Ю. Ю. Сурхаско. Взято из книги «Деревня Юккогуба и ее округа». Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2001. С. 251

Широкое применение ольхового посоха с наростами было зафиксировано у северных людиков (карта 3). В севернолудиковских деревнях (в том числе и в обрусевшей Суйсари), как и у сегозерских карелов, во время сватовства подруги невесты пытались выхватить этот посох из рук главного свата, чтобы после с помощью магических ритуалов повысить себе лемби (*lemb* – женская привлекательность) [9: 134], [28: 45]. В Галлезере и Гомсельге сваты пользовались палками под названием *batogaine* (от русск. «батога») с разветвлением на конце (*batoga rogatkanke* – досл. «батога с рогаткой»)²¹. Применение двухконечного посоха в качестве магического атрибута клетника было известно также и в Приладожской Карелии [23: 245].

Ольховый посох с наростами как атрибут-оберег дружки – главного распорядителя на свадьбе – был известен также у северных вепсов [2: 302]. В фондах Шелтозерского вепского этнографического музея имени Р. П. Лонины хранится такой сватальный посох. Скорее всего, этот атрибут появился под влиянием людиков, так как на остальной вепсской территории он неизвестен. В Шелтозере была записана информация, что сват с палкой (к сожалению, в источнике нет указаний, был ли он ольховый и с наростами) при входе в дом невесты говорил: «*Вот вам палка, дайте нам невесту!*» Если родители соглашались на переговоры, то эту палку ломали [2: 191]. В Михайловском сохранился похожий ритуал: сват бросал свой посох со словами: «*Палка ваиа, невеста наша!*» или «*T'eil' ot n'eizn'e, teil' ot priha, myö tul'iim svuatuikš*» – «*У вас есть девица, у нас есть парень, мы пришли свататься*»²².



Карта 3. Магические предметы колдуна и главного свата (сост. С. А. Минвалеев, Н. Л. Шибанова)

На карте 3 отчетливо видно, что распространение жезла у людиков и по близлежащей территории шло от собственно карелов с севера на юг.

В Кондопожском районе в начале XX века не у каждого руководителя свадьбы был свой личный сватальный жезл, как у патьваши в Северной и Средней Карелии, поэтому приходилось либо «арендовать» палку у других клетников

на время свадьбы, либо заменять их другими бытовыми предметами, сходными по форме, но имеющими собственные магические свойства в обрядности (ср. применение сватом сковородника в качестве посоха у русских [3: 150]). Одним из таких предметов было мотовило – приспособление для сматывания нити с веретена в мотки, которое представляло собой деревянный

стержень, на одном конце которого была развилка, а на другом – перпендикулярно прибитая палка (рис. 2). Конец такого мотовила (сев. люд. *hangat's, han'd'žak*) в виде развилки использовали в качестве заменителя двухконечного посоха карелы-людики Кондопожского и Пряжинского районов в конце XIX – начале XX века<sup>23</sup> [17: 202], [24: 61]. В Суйсари развилкой от мотовила сват стучал в двери дома, в котором предстояло сватовство [9: 133].

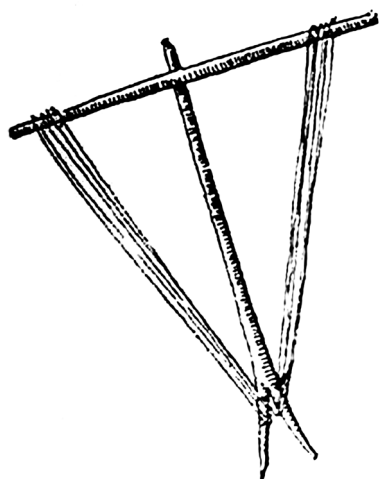


Рис. 2. Мотовило из Сапповаары. Источник: Blomstedt Y., Sucksdoff V. *Karjalaisia rakennuksia ja koristemuotoja: kuvanneet*. Helsinki: Otava, 1900. Т. 63

Как видно из карты 3, атрибутами главного свата у южных людики, помимо посоха, мог быть также и кнут, которым он хлестал по дверям дома невесты<sup>24</sup> [29: 97]. Кнут использовался на свадьбе русских Заонежья [8: 148]. В приведенных источниках данным атрибутом пользовались колдуны и дружки для защиты жениха и невесты уже на этапе собственно свадьбы, а не

сватовства. Применение кнута было широко распространено у многих славянских народов (особенно у восточных славян) [3: 138], [13: 517]. Популярность кнута на русской свадьбе даже отразилась в одном из названий дружки – *кнутник* [15: 35]. Несомненно, этот атрибут славянского происхождения был заимствован людьми от соседнего русского населения, но большого распространения на территории карелов-людики он не получил.

Итак, рассмотренные компоненты, связанные с людиковским сватовством, были общеприбалтийского, карельского и русского происхождения. К общеприбалтийско-финским компонентам следует отнести название сватовства (*kožit'suz*) и сватов (*sulhažet*). К компонентам карельского происхождения относится время организации сватовства и заключения браков (Рождество Христово), участие колдуна и свояченицы в сватовстве, использование различных сватальных посохов. Однако эти компоненты получили разное распространение на территории расселения людики. Например, участие колдуна (*tiedoinikka*) в сватовстве было обнаружено только у северных людики на пограничье с сегозерскими карелами и объяснялось влиянием последних, свояченица (*sajannaine*) – у средних людики в зоне влияния ливвиков. Состав сватов и свадебных чинов у людики формировался под влиянием свадебных традиций соседнего русского населения [20]. Хотя русское воздействие в ареальном плане было неравномерным, что отразили карты.

Опыт картографирования отдельных компонентов сватовства и самой свадьбы карелов-людики убедительно показал направление культурных влияний соседних народов: с запада и северо-запада оно было карельским, а с востока – русским. Людики оказали влияние на свадебную традицию прионежских вепсов.

\* Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН (проект АААА-А18-118030190092-2).

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Муллонен И. И. Заявка на проект Регионального конкурса РГНФ, № 12-11-10602 «Комплексное экспедиционное исследование людики этноязыкового ареала» (рук. И. И. Муллонен), 2011. С. 1.
- <sup>2</sup> Зафиксированные в них обычаи сватовства можно датировать приблизительно периодом конец XIX – первая треть XX века.
- <sup>3</sup> Написание людиковских терминов и фраз в статье приведены в том виде, в котором они представлены в используемых источниках. В случае расшифровки аудиоматериалов Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН (№ 3804-3827, 3829-3846) автор опирался на правила современного карельского алфавита (см.: Постановление Правительства Республики Карелия от 29 мая 2014 года № 168-П «О внесении изменения в постановление Правительства Республики Карелия от 16 марта 2007 года № 37-П»).
- <sup>4</sup> В советское время по административно-территориальному делению – Михайловский с/совет, в дореволюционное – Михайловское общество Вожинской волости Олонецкого уезда, в состав которого входило двенадцать деревень: Михайловское (гора), Пал-наволоки Гижина, Кирьга (село), Ташкеницы, Устинская (Устье), Кукой-наволоки, Ньюова, Яковлевская (Яхново), Новикова, Мошничье и Васильевская. Все деревни располагались близ озер Долгое и Лоянское [12: 8].
- <sup>5</sup> Фонограммархив ИЯЛИ КНЦ (далее – ФА). № 3805/10; SKS. Laiho. No 6721.
- <sup>6</sup> SKS. Laiho. No 6721.
- <sup>7</sup> ФА. № 3805/10.
- <sup>8</sup> Там же. № 3817/7.
- <sup>9</sup> НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 471. Л. 60, 63.
- <sup>10</sup> Лесков Н. Корельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 499.
- <sup>11</sup> НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 54.
- <sup>12</sup> Лесков Н. Корельская свадьба. С. 499.
- <sup>13</sup> НА КНЦ. Оп. 29. Д. 44. Л. 10; Д. 43. Л. 13; Д. 1, Л. 41, 43; Д. 4. Л. 19, 20; SKS. Laiho. No 6721.

- <sup>14</sup> НА КНЦ. Оп. 50. Д. 1. Л. 41.
- <sup>15</sup> Там же. Оп. 29. Д. 48. Л. 28; Оп. 50. Д. 1. Л. 39, 45, 51, 59; Д. 4. Л. 18, 22; Лесков Н. Корельская свадьба. С. 499.
- <sup>16</sup> НА КНЦ. Оп. 50. Д. 1. Л. 45; Д. 4. Л. 18.
- <sup>17</sup> ФА. № 3817/5.
- <sup>18</sup> НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 55.
- <sup>19</sup> Там же. Оп. 29. Д. 44. Л. 6–7; Д. 43. Л. 7.
- <sup>20</sup> SKS. Klemola. No 18418.
- <sup>21</sup> НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 36.
- <sup>22</sup> ФА. № 3805/10.
- <sup>23</sup> НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1, Л. 40.
- <sup>24</sup> Там же. Оп. 50. Д. 4. Л. 18, 19, 22; ФА. № 3805/10.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов: Учебное пособие. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 204 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 524 с.
3. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с.
4. Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Издательство Казанского университета, 1981. 200 с.
5. Конкка А. Сямозерская свадьба // Конкка А. На плечах Большой Медведицы: Избранные статьи (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 289–327.
6. Конкка У. С. Пoesия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. 295 с.
7. Конкка У. С., Конкка А. П. Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1980. 214 с.
8. Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. 328 с.
9. Логинов К. К. Семейный уклад // Село Суйсарь: история, быт, культура / Отв. ред.: Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск: ПетрГУ, 1997. 295 с.
10. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Ведлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 424 с.
11. Новак И. П. Карельский язык и его диалекты // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования: Материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием, посвящ. 70-летию КарНЦ РАН (24–27 мая 2016 г.). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2016. С. 402–405 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70\\_13.pdf](http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70_13.pdf) (дата обращения 27.03.2018).
12. Пахомов М. Люди́ковский охотник Дейсиян Пекко и его род // Lyydilaine. 2013. С. 8–17.
13. Плотникова А. А. Кнут // Славянские древности. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 515–517.
14. Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полишук. М.: Наука, 1997. 828 с.
15. Самодолова Е. А. Дружка и его помощник // Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. С. 28–47.
16. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 348 с.
17. Сурхаско Ю. Ю. Козичендашаува – жезл колдуна на карельской свадьбе // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1972. Т. 28. С. 199–207.
18. Сурхаско Ю. Ю. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы // Советская этнография. 1972. № 4. С. 102–107.
19. Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977. 239 с.
20. Сурхаско Ю. Ю. О русско-карельском этнокультурном взаимодействии (по материалам свадебной обрядности конца XIX – начала XX в.) // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981. С. 260–271.
21. Шлыгина Н. В. Водская свадьба (традиции и русское влияние) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. С. 260–278.
22. Шуя, июнь 1929: Быт севернорусской деревни / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. 154 с.
23. Karjalan kielen sanakirja. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1974. 591 s.
24. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 543 s. (LSFU IX).
25. Lyydiläisiä kielennäytteitä / Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1934. 310 s. (SUST 69).
26. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011. 233 s. (SUST 263).
27. Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto & Lyydiläinen Seura, 2017. 311 s.
28. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä III. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 402 s. (SUST 131).
29. Virtaranta P. Lähisukuikielten lukemisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 96–108. (SKST 280).
30. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä VI: Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1994. 256 s. (SUST 218).

---

**Minvaleev S. A.**, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

## LUDIAN MATCHMAKING: TIME, PARTICIPANTS, ATTRIBUTES IN LIGHT OF MAPPING

The article, based on a wide range of sources, is aimed at presenting the geography of some components of matchmaking (the time of the ritual, its performers and their attributes) using the mapping method in the area of the Ludian Karelians settlement. It is concluded that the components under consideration were of the Baltic Finnic, Karelian and Russian origin. The common

Baltic Finnic components include the name of the matchmaking (*kožit'suz*) procedure and the names of matchmakers (*sulhažet*). The components of Karelian origin include the time of the marriage proposal and marriage itself (Christmas), participation of a sorcerer and a female matchmaker (*sajannaine*) in the matchmaking procedure, the use of various matchmaking staffs. However, these components were unevenly represented on the territory of the Ludian settlement. The participation of a sorcerer (*tiedoinikka*) in the matchmaking procedure, as it was revealed, was peculiar only to the Northern Ludians bordering on the Segozer Karelians and was explained by the influence of the latter. The composition of matchmakers and wedding titles, common among Ludian people, was formed under the enormous influence of the wedding traditions of the neighboring Russian population. The Russian impact was uneven, which is reflected in the maps.

Key words: Karelians, Ludians, traditional culture, matchmaking, wedding, mapping

\* The study was carried out under the state order of KarRC RAS (project № AAAA-A18-118030190092-2).

#### REFERENCES

1. Vinokurova I. Yu. Customs, rituals and holidays in the traditional Vepsian culture. Tutorial. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2011. 204 p. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Veps: Encyclopedia. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Gura A. V. Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p. (In Russ.)
4. Zorin N. V. Russian wedding in the Middle Volga region. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1981. 200 p. (In Russ.)
5. Konkka A. Syamozerskaya wedding. Konkka A. Na plechakh Bol'shoy Medveditsy: Izbrannye stat'i. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2015. P. 289–327. (In Russ.)
6. Konkka U. S. Poetry of Sorrow. Karelian ritual laments. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 1992. 295 p. (In Russ.)
7. Konkka U. S., Konkka A. P. Spiritual culture of Segozer Karelians of the late XIX – early XX century. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 214 p. (In Russ.)
8. Kuznetsova V. P., Loginov K. K. Russian weddings of Zaonezhie (late XIX – early XX century). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2001. 328 p. (In Russ.)
9. Loginov K. K. Family mode. Selo Suysar': istoriya, byt, kul'tura. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 1997. 295 p. (In Russ.)
10. Loginov K. K. The traditional life cycle of the Russian Vedlozerya: rituals, customs and conflicts. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 424 p. (In Russ.)
11. Novak I. P. Karelian language and its dialects. Rol' nauki v reshenii problem regiona i strany: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTS RAN Publ., 2016. P. 402–405. Available at: [http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70\\_13.pdf](http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/krc-70/krc-70_13.pdf) (accessed 27.03.2018). (In Russ.)
12. Pakhomov M. Lyubovkovsky hunter Daisiyan Pekko and his family. Lüüdilaine. 2013. P. 8–17. (In Russ.)
13. Plotnikova A. A. Whip. Slavyanskiye drevnosti. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. P. 515–517. (In Russ.)
14. Russians. Moscow, Nauka Publ., 1997. 828 p. (In Russ.)
15. Samodelova E. A. Druzhka and his assistant. Muzhskoy sbornik. Issue 1. Moscow, Labirint Publ., 2001. P. 28–47. (In Russ.)
16. Comparative-onomasiological dictionary of dialects of Karelian, Vepsian, Sami languages. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)
17. Surkhasko Yu. Yu. Kozichendashauva – witch's wand at the Karelian wedding. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. 1972. Vol. 28. P. 199–207. (In Russ.)
18. Surkhasko Yu. Yu. About the historical and ethnic typology of Karelians. Sovetskaya etnografiya. 1972. No 4. P. 102–107. (In Russ.)
19. Surkhasko Yu. Yu. Karelian wedding ceremony. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 239 p. (In Russ.)
20. Surkhasko Yu. Yu. About the Russian-Karelian ethno-cultural interaction (based on the materials of the wedding ritual of the late XIX – early XX century). Russkiy Sever: problemy etnografii i fol'klora. Leningrad, Nauka Publ., 1981. P. 260–271. (In Russ.)
21. Shlygina N. V. Votic wedding (traditions and Russian influence). Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: issledovaniya i materialy. Leningrad, Nauka Publ., 1978. P. 260–278. (In Russ.)
22. Shuya, June 1929: The life of the Northern Russian village. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2006. 154 p. (In Russ.)
23. Karjalan kielen sanakirja. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1974. 591 s.
24. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1944. 543 s. (LSFU IX).
25. Lyydiläisiä kielennäytteitä / Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1934. 310 s. (SUST 69).
26. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011. 233 s. (SUST 263).
27. Pahomov M. Lyydiläiskysymys: Kansa vai heimo, kieli vai murre? Helsinki: Helsingin yliopisto & Lyydiläinen Seura, 2017. 311 s.
28. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä III. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1964. 402 s. (SUST 131).
29. Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 96–108. (SKST 280).
30. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä VI: Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1994. 256 s. (SUST 218).

Поступила в редакцию 11.04.2018